

О ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТИ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ И ПОНЯТИЯ ВЕРТИКАЛЬНОГО КОНТЕКСТА

Мусави Самира Эльчин кызы

докторант кафедры общего языкознания Азербайджанского Университета Языков,
Азербайджан, г. Баку

ON THE INTERDEPENDENCE OF BACKGROUND KNOWLEDGE AND THE CONCEPT OF VERTICAL CONTEXT

Samira Musavi

doctoral student of the Department of General Linguistics, Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan, Baku

Аннотация. Формулирование речи и в целом общение является сложным процессом, имеющим под собой такие основы, как социальные условия становления личности говорящего, его словарный состав, а также лингво-культурные элементы процесса говорения. Среди них важную роль играют фоновые знания, определение которых помогает более конкретно определить смысл коммуникации и в целом сам коммуникационный процесс.

Abstract. The formulation of speech and, in general, communication is a complex process, which has such foundations as the social conditions for the formation of the speaker's personality, his vocabulary, as well as linguistic and cultural elements of the speaking process. Among them, an important role is played by background knowledge, the definition of which helps to more specifically determine the meaning of communication and, in general, the communication process itself.

Ключевые слова: фоновые знания; вертикальный контекст; текст; интертекстуальность.

Keywords: background knowledge; vertical context; text; intertextuality.

Известно, что фоновые знания включают в себя как явные, так и неявные информационные элементы в зависимости от типа этой информации. В настоящее время под невербальной имплицитной информацией в основном понимаются имена исторических лиц, упоминания об исторических событиях, использование религиозных книжных сюжетов, священных религиозных книжных образов, а также использование литературно-исторических аллюзий, своего рода подтекстов [6, с. 102]. Именно указанный момент, т. е. формат реализации имплицитных сущностных фоновых знаний, с необходимостью определяет анализ понятия «вертикальный контекст» в ходе нашего исследования.

Как отмечает В. Н. Вишератина, оценивающая фоновые знания как средство «прочтения» вертикального контекста, поскольку фоновые знания являются элементом массовой культуры,

подчиненным ее (массовой культуры) законам, они включают в себя как собственно фоновые знания, так и фоновые знания о культурном наследии, которые отложены в памяти человека. По мнению лингвиста, фоновые знания, происходят ли они из культурного наследия или определяются бытовыми обычаями, нормами жизни и стереотипами (то есть релевантными), не являются устойчивыми сами по себе, а отличаются своей изменчивостью. То есть фоновые знания, актуальные для человека, жившего в XIX веке, включают понятия, смыслы, реалии, кардинально отличающиеся от фоновых знаний XXI века [4].

В то же время на фоне изменчивости культурного наследия и современного контекста существуют и «вечные» (то есть, по сути, условно неизменные) системы ценностей, формирующиеся сокровища национально-культурного наследия, реалии исторической действительности, ассимилированные на основе национального менталитета. То есть у любого народа есть образцы устного и культурного наследия, произведения искусства и архитектуры, а также всегда актуальные для него исторические факты, фольклорные хроники (былины, легенды и др.).

Следовательно, на основе поликультурной коммуникации возможна актуализация фоновых знаний, категоризированных как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах, что, в свою очередь, позволяет реализовать конструктивный, новый контекстообразующий потенциал коррелятов вертикального контекста в процессе коммуникации. Тем не менее, «чтение» фоновых знаний может представлять собой интересный процесс в качестве своего рода прогулки по «туннелю времени».

Следует также отметить, что хотя эти понятия тесно связаны, существуют самые разные мнения о формате их общения. Итак, как мы увидим подробнее в дальнейшем, пока одни ученые противопоставляют их, другие могут занимать позицию их отождествления. Например, по мнению ученых, введших в 1977 г. в научную терминологию понятие «вертикальный контекст» – О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенета, фоновое знание – это социокультурный фон, позволяющий адекватно воспринимать тот или иной факт речи, то есть понятие вертикального контекста имеет скорее сугубо историко-филологическую сущность [2, с. 47-49]. В целом лингвисты выступали с позиции противопоставления этих двух понятий. Однако, если исходить из того факта, что никакой социокультурный контекст не может существовать вне историко-филологических условий, то можно с полной уверенностью утверждать, что понятия фонового знания и вертикального контекста органически связаны. Актуальные социокультурные фоновые знания любого общества не могут формироваться вне мифологии, литературного наследия, фольклорных образцов этого народа. Поскольку перечисленные компоненты отражают факторы, «замешивающие» ядро национального менталитета, то даже современное (актуальное) фоновое знание имеет механизмы кодирования и культурно-кодовый инвентарь, детерминированный историко-филологическим контекстом.

Однако следует также отметить, что некоторые исследователи противопоставляют понятия фонового знания и вертикального контекста и выступают сторонниками проведения между ними определенного барьера. Конкретно, если лингвисты, занимающие такую позицию, включают внешнюю информационную базу фоновых знаний, принадлежащую автору и читателю, то существуют подходы, исходящие из позиции вертикального контекста, т. е. принадлежности к конкретному данному тексту, который в Здесь, как и в языково-речевом обособлении, все имеет свою определенную оппозицию, но не показывает конкретного подхода. Как отмечал А.М. Бабаев: «Ф. де Соссюр первым отделил речь от языка. Он показал различия между языком и речью, а иногда и выделял их. Ф. де Соссюр был прав в различении языка и речи, однако он был неправ в их обособлении» [1, с. 150-151].

В то время как фоновое знание содержит существенную лингвистическую и культурную информацию, характерную для коллектива, и включает в себя общую базу данных для индивидов, которые являются частью этого языкового коллектива, «вертикальный контекст», который находит выражение в пределах определенного литературного текста, воплощает в себе реализацию этого общего фона в общей базе данных в рамках заданного текста. То есть пока одно является основой другого, другое создается как формат реализации первого, «повторяющего» встречу общего и индивидуального в языково-речевой дихотомии, обособление которого нельзя признать правильным. Следует отметить, что О. С. Ахманова и

И. В. Гюббенет, выступающие с противоположных позиций, используют фоновые знания национально-культурного, материально-исторического, географического, прагматического характера, характеризуя их, как базу данных социального характера [2, с. 47].

В таком случае человек, являющийся индивидом этого общества, может создать в своем художественном тексте семиозис с читателем базы данных (т.е. понятое читателем, может апеллировать к его парадигме познания). То есть то, что общеизвестное вытекает из общего основания, то в конечном счете выводит взаимную обусловленность, напоминающую языково-речевую связь. Писатель (оставляя в стороне идеологическую доктрину формата «искусство для искусства», имеющую определенных последователей) пишет для общества и, чтобы быть понятым обществом, читательской аудиторией, он (писатель) должен установить семиотический фон семиозиса, ссылаясь на одни и те же культурные коды и одни и те же семиотические условия, это важно и даже имеет решающее значение. Насколько художественный текст является самодостаточной «закрытой системой», настолько, перефразируя мнение Ю. Лотмана, он открыт для контакта и взаимодействия с другими системами [5, с. 71].

В противном случае текстовая интерпретация не может быть реализована. И этот конечный результат может означать невозможность «новой жизни» текста, читательской интерпретации, основанной на «смерти автора» (Р. Барт) и «рождении» читателя, принципиально невозможного в реальности. Ведь любой художественный текст создается не изолированно, в информационном вакууме, а в определенном контексте, в связи с другими текстами. А именно, поскольку язык реализуется в отдельных речевых актах, всякое обособление и дефинитивное сопоставление не будут считаться верными, поэтому не столь логично проводить дефинитивную преграду между фоновыми знаниями, рассматриваемыми как основа, и их реализацией в конкретных художественных текстах. В этом смысле нельзя не согласиться с подходом А. Н. Крюкова, исследовавшего механизмы взаимной обусловленности фоновых знаний и речевого общения. Лингвист, на наш взгляд, совершенно справедливо ошибочно считает вертикальный контекст и фоновые знания разграничивающими, а то и противопоставленными, и напоминает, что вертикальный контекст не ограничивается той информационной базой, которую предлагают художественные тексты, но включает в себя и реальную исторические факты, исторические личности и исторические процессы [7, с. 25].

Выводы. Исходя из того, что прецедентный текст может быть включен в фоновую базу знаний, можно сказать, что «Библия», «Коран», «Китаби-Деда Горгуд» и другие факты аллюзий и реминисценций к текстам, определяющим ментальный код таких народов, могут быть оценены как фоновые знания, так и вертикальные контекстные связи.

Список литературы:

1. Аксютин Д.Э. Особенности вертикального контекста художественного телефильма: исторический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. – № 9 (27): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 22-30.
2. Ахманова О. С, Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – 47-54 с.
3. Babayev A.M. Dilçiliyə giriş, Bakı: Mütərcim, 2017. – 560 s.
4. Вишератина В.Н. Фоновые знания как способ прочтения вертикального контекста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/SND/Philologia/7_visheratina.doc.htm (дата обращения: 05.06.23).
5. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство – СПб., 2002. – 768 с.
6. Николина Н. Н. Роль фоновых знаний в условиях межкультурной коммуникации // Лингвокультурология. – 2017. – № 11. – С. 99-107.

7. Сорокин Ю. А. Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – 192 с.